

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-349-364>

EDN: DHKTAP

Научная статья / Research Article

Регулирование в Австралийском Союзе цифровых активов в контексте проблем формирования конкурсной массы

С.В. Одинцов , М.С. Грибановская

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

odintsov-sv@rudn.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению особенностей правового регулирования цифровых активов в Австралии и их правового режима в контексте банкротных процедур. Актуальность работы обусловлена стремительным развитием технологий и ростом популярности цифровых активов и возникающими проблемами регулирования их оборота, в том числе с позиции конкурсного права. Цель исследования – комплексный анализ текущего состояния правового регулирования цифровых активов в Австралийском Союзе, особенностей их правовой природы и возможности включения таких активов в конкурсную массу при процедуре банкротства. Используются сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы исследования. Проанализированы нормативные правовые акты Австралии, судебная практика, рекомендации регулирующих органов и научные публикации отечественных и зарубежных исследователей. Анализ выделяемых правовой доктриной моделей регулирования оборота цифровых прав и цифровой валюты позволил сделать вывод, что Австралийский Союз придерживается разрешительной модели с элементами косвенного регулирования в сфере цифровых активов. В отсутствие специализированного национального законодательства правоприменительная практика использует смежные нормативные акты и рекомендации регуляторов. Исследование правового регулирования цифровых активов в контексте конкурсного права позволило сделать вывод, что в Австралии цифровые активы при банкротстве рассматриваются как имущество, подлежащее включению в конкурсную массу, на уровне судебной практики и правовой доктрины, а не законодательства. При этом законодательство Австралийского Союза о банкротстве предусматривает механизмы по поиску и включению цифровых активов в конкурсную массу, а для управляющих в деле о банкротстве разработаны рекомендации по работе с такими активами в банкротстве.

Ключевые слова: цифровые активы, криптовалюта, оборот криптоактивов, банкротство, имущество, конкурсная масса, правовая природа, модель правового регулирования

Вклад авторов: *Одинцов С.В.* – анализ материалов, написание текста, рецензирование и редактирование рукописи; *Грибановская М.С.* – формулирование идеи научного исследования, сбор и научный анализ материалов, написание текста. Оба автора ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Одинцов С.В., Грибановская М.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности. Статья подготовлена в рамках научной школы «Компаративистика частного права и цивилистического процесса».

Поступила в редакцию: 15 октября 2025 г.

Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Одинцов С.В., Грибановская М.С. Регулирование в Австралийском Союзе цифровых активов в контексте проблем формирования конкурсной массы // *RUDN Journal of Law*. 2026. Т. 30. № 2. С. 349–364. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-349-364> EDN: DHKTAP

Regulation of Digital Assets in the Commonwealth of Australia in the Context of Bankruptcy Estate Formation

Stanislav V. Odintsov , Maria S. Gribanowskaya

RUDN University, Moscow, Russian Federation

odintsov-sv@rudn.ru

Abstract. The article examines the legal regulation of digital assets in Australia, with particular emphasis on their status within bankruptcy procedures. The study's relevance stems from rapid technological advancements, the surging popularity of digital assets, and persistent challenges in regulating their turnover, including under insolvency law. The objective is to conduct a comprehensive analysis of Australia's current regulatory framework for digital assets, their legal nature, and their inclusion in the bankruptcy estate. The research employs comparative-legal, formal-legal, and systemic methods, drawing on Australian legislation, judicial practice, regulatory guidance, and scholarly works from domestic and foreign sources. Analysis reveals that Australia adopts a permissive regulatory model for digital assets – encompassing digital rights and currencies – with indirect regulation via analogous norms and agency recommendations, absent specialized legislation. In bankruptcy contexts, judicial practice and doctrine classify digital assets as property includable in the bankruptcy estate. Australian insolvency law equips trustees with mechanisms to identify, seize, and manage such assets, supported by targeted guidance.

Key words: digital assets, cryptocurrency, crypto assets turnover, bankruptcy, property, bankruptcy estate, legal nature, regulatory models

The authors' contribution: Gribanowskaya M.S. – research conceptualization, material collection and analysis, manuscript drafting; Odintsov S.V. – scientific supervision, material review, editing. Both authors reviewed and approved the final version of the manuscript.

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the published article.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the scientific school “Comparativistics of Private Law and Civil Procedural Law”.

Received: 15th October 2025

Accepted: 15th April 2026

For citation:

Odintsov, S.V., Gribanowskaya, M.S. (2026) Regulation of Digital Assets in the Commonwealth of Australia in the Context of Bankruptcy Estate Formation. *RUDN Journal of Law*. 30 (2), 349–364. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-349-364> EDN: DHKTAP

Введение

Практически во всем мировом сообществе ожидаемо прослеживается интерес и явное стремление к чёткости и определённости в регулировании оборота цифровых активов. Нормативная неопределённость и относительная фрагментарность в регламентации – явная проблема многих государств. Усиление законодательной активности в этой сфере свидетельствует о стремлении государств адаптироваться к новым реалиям и обеспечить эффективное регулирование цифровых активов, при этом «основное внимание уделяется не природе таких активов, а их форме и лежащей в основе технологии» (Allen et al., 2020:11).

Отсутствие единообразного правоприменения ограничивает возможности полноценного внедрения и использования цифровых технологий, что препятствует росту имущественного оборота, а в случае запретительных или ограничительных мер обращения цифровых активов, в том числе в силу нежелания национального законодателя регулировать фактически возникающие правоотношения, лишь переводят определённые сделки в «теневой сектор» экономики.

В то же время государственное регулирование цифровых активов не всегда интересует пользователей, многим невыгодно ограничительное вмешательство государства, и больше привлекает саморегулирование. Исследователи отмечают, что разработчики технологии оборота криптоактивов отдают предпочтение крайней форме обеспечения безопасности сделки, а не интересов, которая при этом достигается за счёт технического решения, а не юридических норм (Fox, 2018:40). Не следует умалять роль как кибербезопасности, призванной «предотвратить угрозы и риски, связанные с совершением сделок в онлайн-среде» (Frolova & Berman, 2024:81), так и оптимальной регламентации новых институтов, объектов, инструментов, неизбежно возникающих и складывающихся в условиях цифровой трансформации.

Законодатели многих стран мира понимают перспективность развития отрасли и конкурируют за то, чтобы занять лидирующие позиции на рынке, в т.ч. стремясь создать благоприятные условия для цифровых активов, включая криптовалюты как «самый ранний и самый известный пример криптоактивов» (Ermakova & Frolova, 2019:613). Их объединяет одна общая проблема – гармонизация объёма регулирования в отрасли, соблюдение баланса между контролем и свободным развитием, обеспечивающим рост в соответствующем секторе экономики.

«В разных странах, как и в отдельных территориальных единицах в пределах одной страны, подходы в регулировании цифровых активов отличаются, как и понимание их правовой природы» (Trautman, 2019:473–491). Непоследовательное и неединообразное использование терминологии, отсутствие чётких нормативных определений и комплексной классификации препятствуют согласованному и всестороннему регулированию и управлению цифровыми активами, которые зачастую существуют и на международном, и на национальном уровнях регламентации. Отчасти это связано с различным пониманием законодателями в отдельных юрисдикциях категории цифровых активов и их видов, а также характерных черт и функциональности, в то время как «единство правового понимания, подхода к этому правовому инструменту необходимы для устойчивой практики» (Odintsov, Koncheva & Trubina, 2020:1152).

Среди первостепенных задач правоприменения и направлений регулирования оборота цифровых активов зарубежные исследователи (Allen et al., 2019:30–34) перечисляют гармонизацию нормативной базы, обмен передовым опытом,

планирование политики в отношении налогообложения цифровых активов, защиту прав потребителей и инвесторов, целостность и развитие рынка, расширение доступа к финансовым услугам, финансовую безупречность и прозрачность, финансовую и денежно-кредитную стабильность. Создание более конкретных и понятных правил не только повысит правовую определённость, но и укрепит доверие участников правоотношений к цифровым активам как полноценному объекту права, что будет способствовать развитию инвестиций, ведущих к росту имущественного оборота. Подходы к регулированию цифровых активов различны, но многие исследователи отмечают, что модель регулирования должна быть пропорциональной, гибкой и основанной на учёте рисков.

Растущая популярность цифровых активов порождает в том числе вопросы о судьбе таких активов при банкротстве. На протяжении многих лет при личном и корпоративном банкротстве в первую очередь рассматривались традиционные активы, такие как недвижимость, наличные деньги, финансовые инструменты, в том числе акции и облигации. Особенности цифровых активов и их природа значительно отличаются от привычных активов в банкротстве. Одной из важных задач в современном конкурсном праве является определение природы цифровых активов с точки зрения банкрутного законодательства – являются ли они имуществом (или чем-то иным) и подлежат ли включению в конкурсную массу с целью реализации и справедливого распределения полученных доходов между кредиторами должника.

Особенности австралийской модели регулирования оборота цифровых активов

В юридической науке выделяют различные сформировавшиеся в современном мире модели регулирования оборота цифровых прав (токенов) и цифровой валюты (нефиатного средства платежа). Так, Е.В. Зайнутдинова в своем исследовании (Zainutdinova, 2023) описала запретительную, частично запретительную, дозволенную и разрешительную модели. Законодательство Австралийского Союза, посвящённое регламентации оборота цифровых активов, относят к характерной для большинства экономически развитых государств разрешительной модели – оборот криптоактивов не запрещён, но имеются ограничения в контексте национального законодательства о противодействии легализации доходов, полученных преступным путём, а также противодействию финансированию терроризма. Данный подход предполагает, что цифровые (крипто) активы могут выступать как финансовый инструмент, или взаимозаменяемый товар, или как средство платежа, но при этом субъекты, вводящие их в оборот, подлежат обязательной регистрации в установленном порядке и их деятельность относится к лицензируемой.

Некоторые исследователи (Efimova, Mikheeva & Chub, 2020:91; Krysenkova, 2019:29–30; Volos, 2020:24–25) выделяют подвиды в рамках разрешительной модели: страны с прямым регулированием, в которых создается новый институт в гражданском законодательстве, и страны с косвенным регулированием, где к цифровым активам применяют нормы схожих правовых институтов. К последним относят в том числе Австралийский Союз. Другие авторы (Zainutdinova, 2023:158) разделяют юрисдикции, в которых для регулирования оборота цифровых (крипто) активов принимают специальные конкретизирующие правовые нормы, и те, в которых вместо создания новых норм (инициирования законодательных новелл) адаптируются уже

существующие, в том числе путём формулирования разъяснений уполномоченным регулятором (например, как в Австралийском Союзе).

Интересная типология международных подходов к регулированию криптовалют была представлена в серии рабочих документов Отдела макроэкономической политики и финансирования развития и Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (Pedrosa-Garcia & Winther De Araujo, 2018:9–10). В документе представлены пять вариантов регулирования в зависимости от того, насколько благоприятным оно является для сферы оборота криптовалют: (1) предоставление информации и использование морального воздействия (например, распространение исследований, рекомендаций и предупреждений на рынке); (2) регулирование конкретных организаций (например, введение правил, касающихся финансовой отчётности, защиты прав потребителей и т.д., и обращение в регулирующие органы); (3) толкование существующих нормативных актов (например, адаптация действующих законов к криптовалютам); (4) более широкое регулирование (например, разработка таможенных правил в сфере финансового регулирования в целом, и в сфере обращения криптовалюты в частности); и (5) запрет (например, полный запрет на криптовалютные транзакции и обмены, а также более широкий отказ в любой форме юридического признания). Согласно данной типологии, для Австралии характерен второй подход – «активно регулируется деятельность конкретных организаций, например, путем распространения законов о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма на поставщиков криптовалют в качестве отчитывающихся организаций» (Giancaspro, 2022:17).

Нормативная база и регуляторы

В Австралийском Союзе отсутствует специальный закон, посвященный цифровым активам, применяются положения законодательства о ценных бумагах и инвестиционной деятельности, при этом в некоторые нормативные акты внесены отдельные нормы, посвященные цифровым активам, предусмотрены нормативные рекомендации относительно применимости тех или иных норм, а также различные ведомства выпускают собственные правила использования и оборота криптовалют.

Так, к выпуску и обращению цифровых активов применяются нормы следующих законодательных актов:

– Закона (Акта) «Об электронных транзакциях» 1999 г. (Electronic Transactions Act 1999, далее – ETA)¹, регламентирующего порядок совершения электронных сделок;

– Закона (Акта «О борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма» 2006 г. (Anti-Money Laundering and Counter-Terrorism Financing Act 2006, далее – AML/CFT Act)², предусматривающего комплекс мер по борьбе с отмыванием денежных средств и финансированием терроризма, в том числе для компаний, которые занимаются блокчейн-проектами по инвестированию, и сюда входят такие меры, как обязательная идентификация клиентов, мониторинг транзакций, передача информации о подозрительных действиях. Согласно s. 5 AML/CFT Act цифровая валюта (криптовалюта) выступает средством обмена, средством накопления, мерой

¹ Electronic Transactions Act 1999 (version 22 June 2011). URL: <https://www.legislation.gov.au/C2004A00553/latest/text> (дата обращения: 05.08.2025).

² Anti-Money Laundering and Counter-Terrorism Financing Act 2006. URL: <https://www.legislation.gov.au/F2007L01000/latest/text> (дата обращения: 05.08.2025).

стоимости, может заменять деньги, является средством платежа (может использоваться в качестве оплаты за поставку товаров или оказание услуг). Цифровая валюта не выпускается государственными органами. Круг субъектов, которые могут уплачивать вознаграждение в цифровой валюте, не ограничен;

– Закона (Акта) «О корпорациях» 2001 г. (Corporations Act 2001)³, регулирующего финансовые услуги и продукты, например, требования к раскрытию информации, лицензированию и регистрации в том случае, если компания выпускает токены в рамках ICO⁴, которые классифицируются как ценные бумаги (например, акции в компании). Иными словами, цифровые активы могут признаваться объектом инвестиций и, соответственно, регулироваться положениями австралийского корпоративного права, если предоставляют возможность привлечения денежных средств с опосредованием отдельных корпоративных прав, но без права контроля над денежными потоками (cashflow), или если буквально считаются ценной бумагой или производным финансовым инструментом (деривативом) по действующему законодательству, или же если ICO предусматривает возможность оплаты в токенах, которые конвертируются в фиатную валюту для завершения платежа;

– Закона (Акта) «Об Австралийской комиссии по ценным бумагам и инвестициям» 2001 г. (Australian Securities and Investments Commission Act 2001)⁵, являющегося нормативной базой поведения участников рынка финансовых услуг, обеспечивая защиту потребителей и инвесторов. Нормы данного закона о недобросовестной торговой практике могут применяться к ICO (в т.ч. введение в заблуждение и обман потенциальных инвесторов через рекламу).

Отметим, что в Австралии пять основных регулирующих органов, осуществляющих свои полномочия в сфере оборота цифровых активов: Служба финансового мониторинга Австралии (Australian Transaction Reports and Analysis Centre, далее – AUSTRAC), Австралийская комиссия по ценным бумагам и инвестициям (Australian Securities and Investment Commission, далее – ASIC), Резервный банк Австралии (Reserve Bank of Australia, далее – RBA), Австралийское управление пруденциального регулирования (Australian Prudential Regulatory Authority, далее – APRA) и Министерство финансов (Department of the Treasury).

Компании, занимающиеся цифровыми активами, в том числе криптобиржи (Digital Currency Exchangers, далее – DCEs) должны зарегистрироваться в AUSTRAC для управления потенциальными рисками в области борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма, и зачастую на этом регулирование их деятельности и заканчивается. Также s. 229 AML/CFT Act указывает, что Генеральный директор AUSTRAC вправе разрабатывать правила борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма, являющиеся законодательными актами (далее – AML/CFT Rules). Так, например, AML/CFT Act от и AML/CFT Rules⁶ ввели реестр DCEs (Digital Currency Exchange Register).

³ Corporations Act 2001 (version 17 March 2025). URL: <https://www.legislation.gov.au/C2004A00818/latest/text> (дата обращения: 05.08.2025).

⁴ Initial coin offering (с англ. – «первичное размещение монет») – инновационная форма привлечения инвестиций для криптовалютных проектов, осуществляется путем продажи инвесторам выпущенных токенов, а вырученные средства направляются на реализацию проекта.

⁵ Australian Securities and Investments Commission Act 2001 (version 21 February 2025). URL: <https://www.legislation.gov.au/C2004A00819/latest/text> (дата обращения: 05.08.2025).

⁶ Anti-Money Laundering and Counter-Terrorism Financing Rules Instrument 2007 (No. 1) (version 22 November 2024). URL: <https://www.legislation.gov.au/F2007L01000/latest/text> (дата обращения: 05.08.2025).

ASIC играет основную роль в формировании правовой среды ICO выпускает информационные бюллетени и руководства, чтобы помочь «стартапам» ориентироваться в процессе проведения ICO в соответствии с австралийским законодательством. ASIC осуществляет надзор со стороны регулирующих органов за цифровыми активами, являющимися финансовым продуктом с точки зрения Закона «О корпорациях» 2001 года, и компании, работающие с финансовыми продуктами, должны иметь в зависимости от обстоятельств либо Австралийскую лицензию на оказание финансовых услуг (Australian Financial Services License, далее – AFSL), либо лицензию на управление рынком (Australian Market Licence, далее – AML). При этом ASIC регулирует лишь криптоактивы, относящиеся к финансовым, а на остальные может распространяться законодательство о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, подпадающее под сферу регулирования AUSTRAC, либо о защите прав потребителей, подпадающее под сферу регулирования Австралийской комиссии по конкуренции и защите прав потребителей (Australian Competition and Consumer Commission, далее – ACCC), и законодательство о налогообложении, подпадающее под сферу регулирования Австралийского налогового управления (Australian Taxation Office, далее – ATO). Сложность состоит в том, что нет четкого разграничения, какие активы следует относить к финансовым, а какие не следует, вопрос решается исходя из характеристик конкретных цифровых активов. Некоторые исследователи (Giancaspro, 2022:18) отмечают преимущества передачи ASIC полномочий по регулированию криптоактивов в Австралии.

РБА отвечает за платёжную политику и мониторинг разработки цифровых активов, предназначенных для использования в качестве платёжных механизмов, таких как стейблкоины (stablecoins).

APRA — основной финансовый регулятор в Австралии, его основной задачей является обеспечение стабильности финансовой системы страны и контроль за тем, чтобы финансовые учреждения работали ответственно и прозрачно, в интересах потребителей и инвесторов. APRA устанавливает стандарты, которым должны следовать финансовые организации. Эти стандарты регулируют в том числе управление рисками, размер капитала и корпоративное управление.

Министерство финансов Австралийского Союза помимо прочего занимается разработкой подходов к регулированию цифровых активов, чтобы сбалансировать инновации и защиту потребителей. Так, в марте 2025 г. Министерство опубликовало Заявление о развитии инновационной индустрии цифровых активов в Австралии (Statement on Developing an Innovative Australian Digital Asset Industry), где изложены приоритеты в новой сфере цифровых активов, так, в частности, в документе обосновывается их значимость для развития экономики (цифровые активы, например, криптоактивы, описываются как «быстро развивающаяся часть экономики, предлагающая возможности для создания новых продуктов и повышения производительности от оптимизации платёжных систем до преобразования методов инвестирования и ведения бизнеса»), и предложен подход к реформированию регулирования цифровых активов, который «поможет отрасли выявлять возможности и управлять рисками, внедрять инновации при одновременной защите интересов потребителей и поддерживать целостность рынка»⁷. При этом, Министерство финансов в стремлении

⁷ The Australian Treasury Statement on Developing an Innovative Australian Digital Asset Industry (March 2025). URL: <https://treasury.gov.au/sites/default/files/2025-03/p2025-628504-s.pdf> (дата обращения: 07.08.2025).

соответствовать передовой международной практике, стимулирования инновации и повышения конкуренции подготавливает законопроекты с учётом распространения действия существующих законов о финансовых услугах на ключевые платформы цифровых активов, но не на всю экосистему цифровых активов. Ключевые направления воздействия реформирования касаются регулирования платформ цифровых активов (Digital Asset Platforms, далее – DAPs), включая стейблкоины, обзора «регуляторной песочницы» и ряда инициатив по изучению способов безопасного использования потенциальных преимуществ технологии цифровых активов на финансовых рынках и в экономике Австралии в целом.

Представляется, что подобное регулирование может быть избыточным, если определенные цифровые активы по своим характеристикам подпадут в сферу регулирования одновременно нескольких правовых актов и органов. Это приводит к дублирующей нагрузке на существующих участников отношений в сфере создания и обращения цифровых активов, увеличению затрат на соблюдение требований участниками отрасли и ресурсов регулирующих органов в плане надзора и мониторинга.

В Австралии действует отраслевой «Кодекс поведения участников сферы цифровых валют» (Australian Digital Currency Industry Code of Conduct)⁸, созданный инициативой и усилиями Ассоциации цифровых валют и коммерции (Australian Digital Currency Commerce Association, сокращ. – ADCCA), которая в 2019 году объединилась с Blockchain Australia, а в 2024 году организация была переименована в Совет по цифровой экономике Австралии (Digital Economy Council of Australia, далее – DECA). Предусмотренные данным «кодексом» базовые стандарты индустрии цифровых валют и ведения криптовалютного бизнеса обязательны лишь для членов DECA.

Законодательное регулирование процессов создания и обращения цифровых активов в Австралии активно развивается. В рамках данного процесса новые объекты прав постепенно интегрируются в действующее законодательство, направленное на противодействие легализации доходов, полученных преступным путём, и финансированию террористической деятельности, происходит адаптация к требованиям лицензирования профессиональных участников рынка цифровых валют. Помимо этого непрерывно осуществляется процесс правового информирования, просвещения и продвижения осознанных концепций относительно правовой природы цифровых (крипто) активов, специфики их обращения, потенциальных возможностей и преимуществ использования в имущественном обороте и значимости для развития национальной экономики.

Природа цифровых активов с точки зрения австралийского конкурсного права

В Австралии в качестве обобщающего термина для описания продуктов, которые также обычно обозначаются «цифровыми активами» (digital assets), «виртуальными активами» (virtual assets) или «цифровыми токенами» (digital tokens) ASIC⁹

⁸ Australian Digital Currency Industry Code of Conduct (October 2021). URL: <https://deca.org.au/wp-content/uploads/2021/10/Code-of-Conduct-October-2021.pdf> (дата обращения: 11.08.2025).

⁹ См. п. 2.4-2.5 Select Committee on Australia as a Technology and Financial Centre – Final report (October 2021). URL: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Committees/Senate/Financial_Technology_and_Regulatory_Technology/AusTechFinCentre/Final_report (дата обращения: 11.08.2025).

применяет такое понятие, как «криптоактивы» (crypto-asset), определяя их как разновидность ценностей в цифровой форме или вытекающих из договоров прав, которые могут передаваться, храниться или продаваться в электронной форме. Криптоактивы, исходя даже из их обозначения, используют криптографию, «технология распределённого реестра (Distributed Ledger Technology, далее – DLT), разновидностью которой является блокчейн» (Odintsov & Koshelyuk, 2023:221) и иные сквозные технологии для обеспечения таких функций, как заявляемые безопасность и конфиденциальность (в большинстве случаев при псевдоанонимности). Наряду с этим они могут обладать, а могут и не обладать идентифицируемыми экономическими характеристиками, которые отражают фундаментальную или присущую им ценность.

Исследователи отмечают (Remolina, Gurrea-Martínez & Liu, 2026:15), что значительная часть научной литературы основное внимание уделяет природе криптоактивов и тому, следует ли их классифицировать как имущество, которое подлежит включению в конкурсную массу. С точки зрения законодательства о банкротстве, в конкурсную массу обычно включает в себя всё имущество, которым владеет должник, будь то материальные или нематериальные объекты. Несмотря на отличия в банкротном законодательстве в разных юрисдикциях, как правило, все сходятся в том, что цифровые активы не освобождаются от включения в конкурсную массу. Чаще всего суды рассматривают криптовалюту и NFT как имущество, а не валюту, а значит они включаются в состав имущества должника и входят в конкурсную массу, и, следовательно, подлежат реализации в соответствии с законодательством о банкротстве. Для достижения этой цели может потребоваться проведение процедуры оценки их актуальной фактической стоимости, что представляется непростой задачей «ввиду их высокой (буквально ежедневной) волатильности, а для оценки NFT не существует стандартизированного метода, поскольку они часто уникальны и зависят от текущего спроса на рынке» (Odintsov & Gribanovskaya, 2025).

Вопрос о признании цифровых активов имуществом имеет сверхпервостепенную важность и существенность, поскольку исключительно от соответствующих выводов зависит правовая квалификация криптовалют в банкротных процедурах, в частности, могут ли они включаться в состав конкурсной массы, фидуциарно передаваться в траст (trust) в пользу владельца счета (тогда владельцы счета, к примеру, будут считаться обеспеченными кредиторами криптобиржи) или являются лишь договорными обязательствами. «Часто права собственности на финансовый актив функционально заменяются обязательственными правами в отношении посредника (который хранит ключи от цифровых активов) в сложных многоуровневых структурах» (Allen et al., 2020:27–28).

В некоторых юрисдикциях (например, ФРГ, Япония) нематериальные (бестелесные) объекты (как цифровые активы) являются объектами имущественных прав (требования), а не права собственности. В других юрисдикциях менее строго определены категории, относящиеся к объектам права собственности, и имущественные права относятся к вещам бестелесным (*res incorporales*), а, следовательно, цифровые активы включаются в правовую систему без особых сложностей. Некоторые зарубежные исследователи (Hidayatullah et al., 2023:453) относят криптоактивы к нематериальным объектам. Нематериальные активы не совсем вписываются в концепцию права собственности, так как правомочие владения зачастую подразумевает фактическое обладание (физическое), отсюда возникают вопросы, в какой степени концепция права собственности и правомочие владения применимы к цифровым

активам, ведь средства правовой защиты, применимые при защите прав собственника или владельца, недоступны для обладателей цифровых активов, для которых «больше подходит концепция контроля» (Allen et al., 2020:25). Средства правовой защиты особенно важны в случаях, когда оспаривается правовой титул на объект, например, после предполагаемой передачи правового титула или в ситуации банкротства, когда необходимо использовать активы физического лица в интересах кредиторов.

Рассмотрим, как решается данный вопрос в первую очередь в Австралии, но также интересны и государства со сходными правовыми системами – Соединённое Королевство, Новая Зеландия, Сингапур.

Юрисдикции англо-саксонской системы права, как правило, придерживаются более открытого подхода, который фокусируется преимущественно на средствах правовой защиты, доступных обладателю права собственности, чем на концептуальном определении типа вещи, на которую могут распространяться права собственности. В системе конкуренции владельческих прав цифровые (крипто) активы обычно классифицируются как имущество. Однако, они по своим признакам и сущностным характеристикам не соответствуют в полной мере ни одной из традиционно выделяемых категорий движимого имущества, к которым относят: *things (choses) in possession* – это материальные объекты, которые могут быть объектом фактического владения, вещных (абсолютных) прав, и *things (choses) in action* – нематериальные (бестелесные) по своей природе объекты (включая объекты исключительных прав), которыми нельзя обладать фактически, то есть права требования (относительные права). Соответственно цифровые (крипто) активы образуют иную, новую, третью категорию. Хотя в научных комментариях утверждается, что «актив не может представлять собой новую форму имущества, если он не может быть классифицирован как *chose in action* или *chose in possession*, очевидно, что существуют исключения» (Babie et al., 2020:9). В консультационном документе Юридической комиссии Соединённого Королевства (экспертной организации при Министерстве юстиции по правоприменению) рассматривается и обосновывается возможность признания новой категории движимого имущества – «объекты данных» («*data objects*»), которую следует отличать от *choses in possession* и *choses in action* и которая включает в себя цифровые активы (*digital assets*)»¹⁰. Признание такой категории в праве Англии и Уэльса в свою очередь оказывает непосредственное влияние и на правовые порядки Содружества наций, включая Австралию. Также в вышеуказанном документе названы критерии отнесения объектов к этой новой «категории имущества: они должны состоять из данных, представленных на «электронном носителе» (включая такие форматы, как компьютерный код и электронные, цифровые или аналоговые сигналы); должны существовать независимо от субъектов права (лиц) и правовой системы (не должны быть субъектом или частью субъекта права, либо вещью, признаваемой таковой в силу закона); и должны быть конкурирующими (*rivalrous*), то есть такие объекты неспособны к одновременному использованию по прямому назначению несколькими лицами»¹¹.

А опираясь на данные критерии, выделяются «пять категорий объектов данных («*data objects*»): (1) цифровые файлы и цифровые записи; (2) учётные записи

¹⁰ LAW COMMISSION (UK), DIGITAL ASSETS: CONSULTATION PAPER (Consultation Paper 256, July 28, 2022) URL: <https://www.lawcom.gov.uk/project/digital-assets/> (дата обращения: 10.08.2025).

¹¹ Ibid.

электронной почты и некоторые игровые цифровые активы; (3) доменные имена; (4) различные типы схем борьбы с выбросами углерода; и (5) крипто-токены»¹². При этом всем трём выделенным критериям соответствуют только крипто-токены. Отмечают, что «возможность рассматривать цифровые активы как объекты прав собственности была отмечена непосредственно в странах общего права на основе английских прецедентов» (Wyczik, 2024:192).

Знаковые судебные решения, признающие криптоактивы имуществом, были приняты в Соединённом Королевстве (криптоактивы могут быть объектами права собственности даже несмотря на то, что криптоактив не может быть *choses in action*, хотя бы для целей судебного запрета на владение¹³), Сингапуре (объектом права собственности были признаны биткойны¹⁴). В Новой Зеландии, где «каждый поставщик финансовой услуги (физическое лицо или юридическое лицо) обязан регистрироваться в Реестре поставщиков финансовых услуг (FSPR)» (Frolova, 2017:51), при рассмотрении дела *Ruscoe v Cryptopia Ltd* (2020) суд резюмировал, что «для целей корпоративного законодательства криптовалюта может считаться объектом права собственности, может храниться криптобиржей в трасте в пользу владельцев счетов – и, таким образом, недоступна для её кредиторов»¹⁵. Криптовалюты соответствуют установленным общеправовым критериям для идентификации имущества¹⁶: они поддаются идентификации (с помощью закодированной информации, размещённой в сети, которая легко привязывается к владельцу аккаунта), контроль владельцем и возможность исключить контроль третьих лиц над активом (обеспечивается закрытым ключом и отображением публичного адреса владельца в качестве последней записи в блокчейне), могут быть переданы третьим лицам (криптоактивы продаются на рынке) и обладают определённой степенью постоянства (блокчейн как неизменяемая технология обеспечивает систему, гарантирующую необходимую стабильность криптоактивов). Суд также пришёл к выводу, что было бы парадоксально, если бы актив, обладающий большим имущественным потенциалом, чем обычная задолженность, не считался имуществом, а сложность отнесения криптовалюты к одной из категорий – *choses in action* или *choses in possession*, не препятствует их отнесению к имуществу.

В Австралии Окружной суд Нового Южного Уэльса в деле *Nathan Hague v Sarah Louise Cordiner* удовлетворил «исковые требования истца об обеспечении судебных издержек хранящейся на криптобирже криптовалютой, подтвердив таким образом, что криптовалюта является имуществом»¹⁷. Суды в государствах англо-саксонской системы права считают все вышеупомянутые критерии для идентификации

¹² LAW COMMISSION (UK), DIGITAL ASSETS: CONSULTATION PAPER (Consultation Paper 256, July 28, 2022) URL: <https://www.lawcom.gov.uk/project/digital-assets/> (дата обращения: 10.08.2025).

¹³ *AA v Persons Unknown* [2019] EWHC 3556 (Comm). URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2019/3556.html> (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁴ *B2C2 Ltd v Quoine Pte Ltd* (2019). SGHC(I) 03. URL: https://www.sicc.gov.sg/docs/default-source/modules-document/judgments/b2c2-ltd-v-quoine-pte-ltd_a1cd5e6e-288e-44ce-b91d-7b273541b86a_8de9f2e2-478e-46aa-b48f-de469e5390e7.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁵ *Ruscoe v Cryptopia Ltd* (in Liquidation) [2020] NZHC 728, 831-39, 843, 846. URL: <https://www.buddlefindlay.com/media/3092/ruscoe-v-cryptopia-ltd-in-liq-civ-2019-409-544.pdf> (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁶ Такие критерии были сформулированы в деле *National Provincial Bank v Ainsworth* [1965] 1 AC 1175, 1247-1248. URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1965/1.html> (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁷ *Hague v Cordiner* (No. 2) [2020] NSWDC 23 (24 February 2020). District Court of New South Wales. URL: <https://www.caselaw.nsw.gov.au/decision/5e533995e4b0c8604babc1ba> (дата обращения: 10.08.2025).

имущества выполненными по отношению к цифровой валюте (криптовалюте), а следовательно, её можно отнести к нематериальным активам как совокупность общедоступных данных, закрытого ключа и системных правил. Более того, их относят к правам требования (*choses in action*), которые вместе с абсолютными правами (*choses in possession*) относятся к категории собственности в странах общего права. При этом продолжают попытки вывода их в новую отдельную группу, наравне с абсолютными правами и правами требования.

Некоторые авторы (Allen et al., 2020:30) полагают, что и для целей банкротства биткойны могут признаваться объектами собственности. Д. Фокс (Fox, 2018:2, 3–4, 19) подчеркивает важность признания криптовалюты объектами права собственности, в том числе для целей банкротства, и указывает на применимость общих правил права собственности к криптоактивам, в той мере, в какой это позволяет природа таких активов, то есть с поправками на их нематериальность, поскольку концепция владения в общем праве применима лишь к материальным вещам.

Несмотря на отсутствие законодательного закрепления цифровых активов как имущества, в том числе для целей законодательства о банкротстве, судебная практика в государствах англо-саксонской системы права (и в Австралии в частности) признаёт их имуществом, но при этом рассматриваемые дела за редким исключением (*Ruscoe v Cryptopia Ltd*, 2020)¹⁸ не относятся к банкротным, то есть цифровые (крипто) активы рассматриваются как имущество в делах других категорий. Тем не менее правовая доктрина полагает правильным распространить данную точку зрения и на дела о банкротстве, с чем мы согласимся, учитывая, что такие активы могут иметь высокую ценность и реализованы, что впоследствии безусловно благоприятно скажется на доле (объёме) удовлетворенных требований кредиторов.

Рекомендации регулятора

Рекомендации Австралийского управления финансовой безопасности (Australian Financial Security Authority, далее – AFSA) для управляющих имуществом должника по работе с криптовалютой в контексте личного банкротства обходят стороной вопрос «признания цифровых активов имуществом, и скорее имеют практическую направленность. В частности, объясняется, как следует идентифицировать, классифицировать и реализовывать цифровые активы»¹⁹. Анализ предложенных рекомендаций позволяет сказать, что действия, производимые с цифровыми активами, аналогичны тем, которые производят с традиционными активами, то есть с имуществом, но с поправкой на их нематериальную форму и иные особенности. Нельзя не отметить, что указанные рекомендации охватывают «далеко не весь спектр потенциальных проблем, которые могут возникнуть на практике» (Odintsov & Gribovskaya, 2025:227). Цифровые активы переходят к управляющему в деле о банкротстве (*trustee*) в случае неплатежеспособности в день признания должника банкротом или после него точно так же, как и любое другое имущество, которое было приобретено или находилось во владении до банкротства. Исключение из этого общего правила может возникнуть при определённых обстоятельствах, изложенных в положениях

¹⁸ *Ruscoe v Cryptopia Ltd (in Liquidation)* [2020] NZHC 728, 831-39, 843, 846. URL: <https://www.buddlefindlay.com/media/3092/ruscoe-v-cryptopia-ltd-in-liq-civ-2019-409-544.pdf> (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁹ *Dealing with cryptocurrency in a bankrupt estate*. URL: <https://www.afsa.gov.au/professionals/dealing-cryptocurrency-bankrupt-estate> (дата обращения: 10.08.2025).

раздела 116 Закона (Акта) «О банкротстве» (Bankruptcy Act) 1966 года (Cth)²⁰ (далее – Закон о банкротстве). Как и в случае со всеми другими активами, должник обязан раскрывать информацию о любых цифровых активах, которыми он владеет, своему управляющему в случае банкротства, включая те, что были приобретены после даты признания должника банкротом и до даты завершения процедуры банкротства. Действия должников-банкротов, связанные с нераскрытием такой информации или распоряжением цифровыми активами вместо их передачи управляющему, могут быть квалифицированы как правонарушения в соответствии с положениями Закона о банкротстве и соответственно могут повлечь за собой соответствующие санкции.

При этом также следует учитывать, что в отличие от иных разновидностей имущества здесь нет общедоступной информации или реестров, позволяющих проводить поиск по цифровым активам, принадлежащим физическим или юридическим лицам. Это чрезвычайно затрудняет, хотя и не делает невозможным, идентификацию управляющим имеющихся у должника цифровых активов, включая криптовалюту. Доказательства владения цифровыми активами, которые банкрот добровольно не раскрывает, часто можно найти в финансовых транзакциях. Не стоит забывать и об «иллюзии анонимности транзакций, поскольку они фиксируются в децентрализованной распределённой блокчейн сети и существует потенциальная возможность их проверки и отслеживания в режиме реального времени через общедоступные ресурсы с открытым (публичным) исходным кодом» (Odintsov & Koshelyuk, 2023:221). Управляющий в деле о банкротстве вправе потребовать предоставить или получить записи, сходные данные для восстановления истории посещений Интернета, аккаунты, QR-коды, приватные ключи и иные данные от электронной почты и/или физическое оборудование, включая компьютеры, мобильные телефоны, USB-накопитель, а также аппаратные кошельки (cryptowallet). Кроме того, управляющий может использовать следующие инструменты криптоанализа, которые помогут определить точки вывода цифровых активов: Numisite (инструменты с открытым исходным кодом), Blockchain explorer Chainalysis, лицензионные инструменты (Ciphertrace/Neutrino X Flow). Ввиду того, что вышеупомянутые мероприятия позволяют только отслеживать транзакции и определить суммы, требуется сотрудничество должника, либо в соответствующих случаях управляющим рекомендуется рассмотреть возможность использования механизмов соблюдения требований законодательства, доступных им в соответствии с Законом о банкротстве, включая: Раздел 77А (запрос), Раздел 81 (проверка), Раздел 130 (ордера на обыск) Закона о банкротстве²¹.

Если управляющий в деле о банкротстве подозревает, что должник-банкрот, не соблюдающий требования о предоставлении вышеуказанных сведений и/или оборудования, обладает цифровыми (крипто) активами, то ему следует воспользоваться полномочиями на получение информации, доказательств и документов и на доступ к помещениям и документам должника и третьих лиц (Разделы 77С и 77 АА)²². Необходимо указать, что в соответствии с подразделами 19(1)(h) и (i) Закона о банкротстве, «при управлении имущественной массой управляющий должен рассмотреть вопрос о том, совершил ли банкрот нарушение Закона о банкротстве, и, при необходимости, передать этот вопрос Генеральному инспектору по делам о банкротстве,

²⁰ Australian Bankruptcy Act 1966 (version October 14, 2024). URL: <https://www.legislation.gov.au/C1966A00033/latest/text> (дата обращения: 21.08.2025).

²¹ Ibid.

²² Ibid.

представителю AFSA, отвечающему за надзор за системой банкротства физических лиц, включая мониторинг и регулирование поведения управляющих и администраторов долговых соглашений, чтобы обеспечить соблюдение ими высоких стандартов практики»²³.

Заключение

Правовое регулирование цифровых активов придерживается разрешительной модели с элементами косвенного регулирования и находится в стадии активного формирования и развития, отражая глобальные тренды цифровой трансформации экономики и права, и представляет собой динамичную и комплексную систему, которая постепенно адаптируется к инновационным технологическим вызовам глобальной экономики. Австралийский подход характеризуется использованием существующих нормативных актов с внесением отдельных изменений и дополнений, направленных на регулирование оборота цифровых активов, без создания специального законодательства.

Целый ряд регулирующих органов выполняет определённые функции по контролю и развитию этого сектора, что может являться избыточным. Австралийский законодатель стремится к балансу между инновационным развитием цифровой экономики и необходимостью защиты прав потребителей и кредиторов.

Перспективы развития регулирования цифровых активов в Австралии связаны с дальнейшей гармонизацией законодательства, совершенствованием подходов к лицензированию и созданием более прозрачных механизмов контроля. Несмотря на определённые сложности и неоднозначность правового регулирования, Австралийский Союз демонстрирует прогрессивный подход к интеграции цифровых активов в экономическую и правовую реальность.

В контексте банкротных процедур цифровые активы в Австралии, как и в других странах англо-саксонской системы права, рассматриваются как имущество, подлежащее включению в конкурсную массу, но не на уровне законодательных актов, а на уровне совокупности выводов судебной практики, разъяснений уполномоченных органов и доктринальных трактовок. При этом банкротное законодательство Австралийского Союза предусматривает механизмы по поиску и включению цифровых активов в конкурсную массу, а для управляющих в деле о банкротстве разработаны рекомендации по работе с цифровыми активами в банкротстве.

References / Список литературы

- Allen, J., Blandin, A., Cloots, A., Hussain, H., Rauchs, M., Saleuddin, R., Zhang, B. & Cloud, K. (2019) Global cryptoasset regulatory landscape study. *University of Cambridge Faculty of Law Research Paper*. (23), 1–123. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3379219>
- Allen, J., Rauchs, M., Blandin, A. & Bear, K. (2020) *Legal and Regulatory Considerations for Digital Assets*. Cambridge, CCAF Publications.
- Babie, P.T., Brown, D., Catterwell, R. & Giancaspro, M. (2020) Cryptocurrencies as Property: *Ruscoe and Moore v Cryptopia Limited (In Liquidation) NZHC 728*. *University of Adelaide Law Research Paper*. (33), 1–15.
- Efimova, L.G., Mikheeva, I.E. & Chub, D.V. (2020) Comparative analysis of doctrinal concepts of legal regulating smart contracts in Russia and foreign states. *Law. Journal of the Higher School*

²³ Australian Bankruptcy Act 1966 (version October 14, 2024). URL: <https://www.legislation.gov.au/C1966A00033/latest/text> (дата обращения: 21.08.2025).

- of Economics*. (4), 78–105. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.4.78.105> EDN: RBAGEC.
- Ефимова Л.Г., Михеева И.Е., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. № 4. С. 78–105. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.4.78.105> EDN: RBAGEC.
- Ermakova, E. P. & Frolova, E. E. (2019) Legal Regulation of Digital Banking in Russia and Foreign Countries (European Union, USA, PRC). *Perm University Herald. Juridical Sciences*. (46), 606–625. (in Russian). <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-46-606-625> EDN: SBRRYL.
- Ермакова Е.П., Фролова Е.Е. Правовое регулирование цифрового банкинга в России и зарубежных странах (Европейский союз, США, КНР) // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2019. № 46. С. 606–625. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-46-606-625> EDN: SBRRYL.
- Fox, D. (2018) Cryptocurrencies in the Common Law of Property. *Law & Society: Private Law – Property eJournal*. 1–42. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3232501>
- Frolova, E.E. (2017) The Concept of Financial Dispute in Accordance with the Provisions of the New Zealand Financial Service Providers Act 2008 (As Amended in 2014). “Black Holes” in *Russian legislation*. (4), 51–54. (In Russian). EDN: ZDPIWB.
- Фролова Е.Е. Понятие финансового спора в соответствии с положениями Закона Новой Зеландии о поставщиках финансовых услуг 2008 г. (с изменениями 2014г.) // *Черные дыры в российском законодательстве*. 2017. № 4. С. 51–54. EDN: ZDPIWB.
- Frolova, E.E. & Berman, A.M. (2024) Expression of the Parties’ Will in the Context of Digital Transformation: Current Trends in Law Enforcement. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 17 (3), 57–83. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.3.57.83> EDN: CZYVCM.
- Фролова Е.Е., Берман А.М. Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2024. Т. 17. № 3. С. 57–83. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.3.57.83> EDN: CZYVCM.
- Giancaspro, M. (2022) Cryptocurrency and the Consideration Conundrum: Does Crypto Have Legal Value under Contract Law? *Journal of Banking and Finance: Law and Practice*. 33 (1), 3–20.
- Hidayatullah, T., Subagyono, B. S. A., Chumaida, Z. V., & Aditya, K. L. S. (2023) Settlement of Bankruptcy Assets in A Form of Crypto Assets Throughout Bankruptcy Process. *Notaire*. 6 (3), 449–460. <https://doi.org/10.20473/ntr.v6i3.50772> EDN: EOJGJR.
- Krysenkova, N.B. (2019) Smart contracts in the foreign legal environment. *International Public and Private Law*. (5), 28–30. (In Russian). EDN: SVKZYG.
- Крысенкова Н.Б. Смарт-контракты в иностранном правовом пространстве // *Международное публичное и частное право*. 2019. № 5. С. 28–30. EDN: SVKZYG.
- Odintsov, S.V. & Gribanovskaya, M.S. (2025) Digital Assets in Personal Bankruptcy: Experience of the Commonwealth of Australia. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 18 (3), 226–251. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2025.3.226.251> EDN: FSKNMT.
- Одинцов С.В., Грибановская М.С. Цифровые активы в личном банкротстве: опыт Австралийского Союза // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2025. Т. 18. № 3. С. 226–251. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2025.3.226.251> EDN: FSKNMT.
- Odintsov, S.V., Koncheva, V.A. & Trubina, M.V. (2020) Tokens: Actual Problems of Determining the Legal Status and Classification. In: Popkova, E. & Sergi, B. (eds.) *Scientific and Technical Revolution: Yesterday, Today and Tomorrow. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems*. Cham, Springer Publ., pp. 1152–1158. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47945-9_125 EDN: ZZKIGK.
- Odintsov, S.V. & Koshelyuk, B.E. (2023) Problems of qualifying crimes associated with the use of cryptocurrencies. *Tomsk State University Journal*. (487), 220–229. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/487/25> EDN: KEHEWG.

- Одинцов С.В., Кошелюк Б.Е. Проблемы квалификации преступлений, сопряженных с использованием криптовалют // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 220–229. <https://doi.org/10.17223/15617793/487/25> EDN: KEHEWG.
- Pedrosa-Garcia, J. & Winther De Araujo, Y. (2018) Regulation of Cryptocurrencies: Evidence from Asia and the Pacific. *MPDD Working Paper Series WP/18/03. United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (ESCAP)*. (03), 1–22.
- Remolina, N., Gurrea-Martínez, A. & Liu, D. (2026) The Treatment of Digital Assets in Insolvency. *Oxford Handbook of Digital Assets and the Law*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4915592>
- Trautman, L. (2019) Bitcoin, Virtual Currencies, and the Struggle of Law and Regulation to Keep Pace. *Marquette Law Review*. 102 (2), 447–538. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3182867>
- Volos, A.A. (2020) The Conflict Regulation of Smart Contract Relations. *International Public and Private Law*. (3), 24–27. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3910-2020-3-24-27> EDN: ECISRB.
- Волос А.А. Коллизионно-правовое регулирование отношений, связанных со смарт-контрактами // Международное публичное и частное право. 2020. № 3. С. 24–27. <https://doi.org/10.18572/1812-3910-2020-3-24-27> EDN: ECISRB.
- Wyczik, J. (2024) Ownership in the 21st century: Property law of digital assets. *Information & Communications Technology Law*. 34 (2), 187–206. <https://doi.org/10.1080/13600834.2024.2408917>
- Zainutdinova, E.V. (2023) Models of Legal Regulating Turnover of Digital Rights and Digital Value. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 16 (4), 149–182. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.4.149.182> EDN: GJTHVY.
- Зайнутдинова Е.В. Модели правового регулирования оборота цифровых прав и цифровой валюты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 4. С. 149–182. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.4.149.182> EDN: GJTHVY.

Сведения об авторах:

Одинцов Станислав Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-3403-3519; SPIN-код: 6109-9840

e-mail: odintsov_sv@pfur.ru

Грибановская Мария Сергеевна – аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-3583-7033; SPIN-код: 5837-1130

e-mail: gracefulmind@yandex.ru

About the authors:

Stanislav V. Odintsov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure and Private International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3403-3519; SPIN-code: 6109-9840

e-mail: odintsov_sv@pfur.ru

Maria S. Gribanovskaya – Postgraduate student, Department of Civil Law and Procedure and Private International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3583-7033; SPIN-code: 5837-1130

e-mail: gracefulmind@yandex.ru